

Цюй Хайяо играл с полной отдачей, настолько, что забыл, что находится на кинопробах. Только когда режиссёр Вэнь крикнул «Стоп», он очнулся, медленно превращаясь из Хуанфу Юйхуа обратно в простоватого Цюй Хайяо. Преподаватели на пробах, хотя и находили это забавным, сдержали смех, лишь их выражения стали немного мягче. Режиссёр Вэнь дружелюбно кивнул ему, задумался, а затем вытащил ещё одну карточку.

— Попробуй ещё один отрывок, — произнёс он с лёгким акцентом.

Цюй Хайяо почувствовал, как его сердце ёкнуло. Неужели это ещё не конец?

На этот раз ему досталась сцена, где в ночь кровавой луны Вэй Ли устроил резню в Школе Небесного Свода. Когда правда раскрылась, мать Хуанфу, обычно добрая и мягкая, попыталась убить Вэй Ли, но её остановил Хуанфу Юйхуа. В эти дни его сердце было полно тревоги, и теперь он наконец понял, что жил в огромной иллюзии, где даже материнская любовь была обманом. В её сердце кипела ненависть к Сяохэ, которая захватила сердце её мужа.

Даже осознав, что доброта и забота, с которой его растили, были лишь иллюзией, Хуанфу Юйхуа всё же уговаривал мать отпустить ненависть. В его юном сердце не было злобы, только глубокая скорбь. В этой сцене у Хуанфу Юйхуа наконец появились реплики, хоть и немного. Один из преподавателей на пробах взял на себя роль матери Хуанфу. Цюй Хайяо уже выучил текст наизусть, не глядя на карточку, он сразу вошёл в роль, подойдя к преподавателю, как к матери. Тот слегка опешил, но быстро адаптировался к роли «матери». Хотя его реплики звучали неубедительно, Цюй Хайяо смог закончить сцену.

Режиссёр Вэнь снова крикнул «Стоп», его лицо по-прежнему было дружелюбным. Цюй Хайяо медленно вышел из роли, наблюдая, как его «мать» вернулась за длинный стол и что-то записала в блокнот. Только тогда Цюй Хайяо почувствовал, что участвует в важнейших пробах, как когда-то, когда ждал результатов экзаменов в Киноакадемию.

Он был так напряжён! Внутри него маленький человечек, ещё более нервный, чем он сам, бился головой об землю и катался по полу.

Режиссёр Вэнь тоже что-то записывал, но не в блокнот, а в ноутбук. Другой преподаватель задал Цюй Хайяо несколько вопросов:

— Играл ли ты раньше в исторических фильмах или спектаклях?

— Проходил ли ты обучение боевым искусствам?

И тому подобное. Цюй Хайяо ответил на все, а затем вдруг вспомнил, что в фильме у Хуанфу Юйхуа есть сцены с боями, а он сам ничему подобному не учился.

А Хай Чжэнь, который проходил пробы до него...

Цюй Хайяо снова покрылся холодным потом.

Когда он уходил, преподаватели были вежливы, сказав, что свяжутся с ним, как только примут решение, и что это не затянется, так как съёмки скоро начнутся. Но Цюй Хайяо всё равно нервничал, даже больше, чем до проб, и сам не понимал почему.

Линь Ци ждал его снаружи. Увидев Цюй Хайяо, он спросил, как всё прошло, но по его растерянному виду сразу понял, что толком ничего не узнает. Тогда Линь Ци решился и заглянул в зал, с дружелюбной и слегка недоумевающей улыбкой спросив:

— Уважаемые преподаватели, разве ему не нужно пройти пробный грим?

Один из помощников режиссёра Вэнь Цзисюня с улыбкой ответил:

— Нет, ему не нужно. Уже поздно, он был последним.

Услышав это, Цюй Хайяо выглядел ещё более подавленным. Улыбка Линь Ци на мгновение застыла, но он быстро восстановил доброжелательное выражение, извинился и вышел. Как только дверь закрылась, его лицо сразу же стало мрачным.

Всё, игра окончена. Линь Ци и Цюй Хайяо смотрели друг на друга, их опущенные плечи отражали их разочарование. Наступившая ночь отражалась в панорамных окнах на верхнем этаже.

Недалеко от промышленного парка, на улице, где обычно открывались уличные закусочные, сегодня было холодно и ветрено. Лавки не вынесли на улицу, и в помещении была всего одна группа посетителей, которая сдвинула два стола вместе и устроилась за ними, поднимая бутылки пива.

— Сяо Жун, у тебя отменный вкус. Такие ароматные жареные свиные ножки редко где попробуешь, — с лёгким акцентом говорил Вэнь Цзисюнь, с аппетитом уплетая еду.

Жун И ловко открывал бутылки пива и смеялся:

— В чём-чём, а в поедании свиных ножек я точно не уступлю никому в этом кругу.

За столом царил весёлая атмосфера, все смеялись и ели. Помощник режиссёра Ху Юнпэн, работавший с Вэнь Цзисюнем много лет, после глотка пива сказал:

— Не только вкус у тебя отменный, но и глаз острый. Твоё предложение, я думаю, вполне осуществимо! Алан, ты согласен?

Вэнь Цзисюнь с улыбкой подтолкнул его:

— Если спросить Алана, он, конечно, скажет «да». Человек, который пишет историю, всегда любит свою первоначальную версию и ненавидит, когда её меняют. Если мы вернёмся к изначальному сценарию, я уверен, Алан будет счастлив больше всех.

Алан был тем самым преподавателем, с которым Цюй Хайяо играл сцену в роли матери Хуанфу. Он же был первым сценаристом этого фильма. Много лет он сотрудничал с Вэнь Цзисюнем, и когда впервые показал ему наброски истории, тот заинтересовался. Вместе они написали первый вариант сценария.

Позже, когда фильм начал сниматься, сценарий многократно менялся по разным причинам, и многие части уже не напоминали оригинал. Когда Вэнь Цзисюнь впервые предложил Жун И сыграть в фильме, тот попросил показать ему все версии сценария.

А несколько дней назад Жун И позвонил режиссёру и предложил: раз уж Го Чэнчжо больше не может сниматься, почему бы не вернуться к изначальной версии сценария, если найдётся подходящий актёр?

Вэнь Цзисюнь, вложивший много сил в этот непростой проект, всегда был готов к вызовам.

Предложение Жун И заинтересовало его. Они быстро обсудили всё по телефону, и их идеи совпали.

— Мне это нравится, — сказал Алан, аккуратно снимая мясо с бараньих рёбер.

Его движения были точными, а речь — чёткой.

— Он сыграл Юйхуа с искренностью. Это новый подход. Все, кого мы видели раньше, играли его как молодого Му Жунфу, эдакого баловня судьбы.

— Но сегодня Цюй Хайяо показал, что Юйхуа сам не считает себя баловнем. Он просто ребёнок, выросший в благополучной среде, с своими сомнениями и трудностями, но в целом он чистый, добрый и даже... можно сказать, простодушный.

— Это очень хорошо сочетается с атмосферой фильма. Он не только символизирует будущее Школы Небесного Свода, но и отражает отношение Вэй Ли к этому месту и к самому Юйхуа. Вэй Ли видит в Юйхуа то, чего ему самому не хватает — доброту.

Все за столом задумались над словами Алана. Вэнь Цзисюнь первым кивнул:

— Я думаю так же. Его игра очень естественна. Конечно, на съёмках могут возникнуть проблемы, он не самый удобный актёр. Но мы ищем именно это ощущение. Если оно есть, или если мы чувствуем, что можем его поймать, стоит попробовать.

— В кино, — он с удовольствием отхлебнул пива, — если всегда искать безопасность и удобство, это становится скучно. Постоянно открывать что-то новое — вот что интересно.

<http://bllate.org/book/16304/1470723>